

Наталья Прейс

Прощай, детство, и снова здравствуй!

История о школе,
о памяти
и о тех, кто
остаётся в сердце
навсегда

ЛИТЕРАТУРА
РУССКИЙ ЯЗЫК
ИСТОРИЯ
БИОЛОГИЯ
ГЕОГРАФИЯ
ФИЗИКА
ХИМИЯ

Уроки, которые
меняют не только знания,
но и жизнь

о людях,
которых мы помним
всю жизнь

Наталья Прейс

Прощай, детство, и снова здравствуй!

<https://litres.ru/73922428>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Прощай, детство, и снова здравствуй» — атмосферный роман о сельской школе, памяти и людях, которые учат не только предметам, но и жизни.

Главная героиня — Марина Сергеевна, учительница литературы, много лет работающая в старой деревенской школе. Каждый день для неё — это не просто уроки и тетради, а встречи с чужими характерами, детскими страхами, воспоминаниями о собственном школьном прошлом и размышлениями о том, каким должен быть настоящий учитель.

Каждая глава книги связана с отдельным школьным предметом: литературой, физикой, химией, географией, музыкой. Через уроки, разговоры в учительской, школьные конфликты, смешные ситуации и воспоминания героев раскрывается целый мир маленькой сельской школы — бедной, старой, но живой и настоящей.

Это книга о детстве, которое никогда не исчезает полностью. О страхе быть непонятым. О хороших учителях, умеющих

объяснить сложное простыми словами. Тёплая, ностальгическая и очень человеческая история о школе, где формируется душа.

Содержание

Глава 1. Урок литературы	5
Глава 2. Урок химии	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Прощай, детство, и снова здравствуй!

Глава 1. Урок литературы

И вот в конце ноября, когда посёлок уже несколько недель жил будто под мокрым серым одеялом, Марина Сергеевна раздала тетради. В классе стояла непривычная тишина.

— Ребята, меня очень расстроили ваши сочинения, — спокойно сказала она, снимая очки. — Я поставила всему классу двойки.

По рядам прошёл тяжёлый вздох.

— Но почему? — тихо спросил Максим.

Марина Сергеевна открыла одну из тетрадей:

— Потому что здесь нет ни одной вашей мысли. Почти всё переписано из предисловий к книгам. Красивые фразы есть, а вас самих — нет.

Она медленно посмотрела на класс.

— Знаете, Сенека однажды написал: «Удача — это то, когда уровень подготовки соответствует возможности».

Ребята подняли головы. Обычно Марина Сергеевна редко приводила цитаты просто ради красивых слов, и класс это знал.

— Сначала кажется, что речь совсем не о литературе, — продолжила она. — Но это не так. Когда вы открываете книгу и читаете произведение — вам уже дана возможность понять его. А всё, что вы прожили, почувствовали, о чём думали раньше, — это и есть ваша подготовка.

Она медленно прошла между партами.

— Вам кажется, будто для хорошего сочинения нужно найти чьё-то готовое мнение: критика, автора статьи, учителя. Но ведь литература существует не для пересказа чужих мыслей. Она нужна для разговора человека с самим собой.

В классе стояла тишина.

Тогда Кирилл осторожно спросил:

— А если я неправильно пойму произведение?

Марина Сергеевна остановилась возле его парты.

— Неправильно — это когда человек вообще не пытается думать сам. Конечно, текст нельзя трактовать как угодно. Но если ты честно размышляешь, опираешься на произведение, пытаешься понять чувства героя — это уже настоящая работа мысли.

Она взяла со стола одну из тетрадей.

— Вот здесь написано очень красиво. «Экзистенциальный конфликт героя раскрывается через дихотомию внутреннего сознания...» Звучит убедительно. Но я почти уверена: человек, который это переписал, сам не чувствовал ни этого конфликта, ни одиночества героя.

Несколько человек опустили глаза.

И тогда неожиданно заговорила Лиза:

— Просто иногда страшно писать своё. Кажется, что это будет слишком просто или неправильно.

Марина Сергеевна посмотрела на неё особенно внимательно.

— А вот это очень важная мысль. Многие боятся простых слов. Им кажется, что умный текст обязательно должен быть сложным. Но настоящая литература держится не на трудных терминах, а на живом чувстве и точной мысли.

Она снова подошла к окну.

— Толстой в поздние годы специально упрощал язык. Чехов вычёркивал всё лишнее. Хемингуэй вообще писал короткими фразами. Они понимали: о самом важном человек чаще всего говорит просто.

— Но тогда почему нас всё время учат писать «красиво»? — спросил Дима.

Марина Сергеевна чуть улыбнулась:

— Красиво — не значит сложно. Красиво — это когда мысль точная. Когда в словах есть правда. Иногда одна честная фраза стоит целой страницы чужих умных выражений.

Она помолчала, словно подбирая особенно важные слова.

— И знаете... когда вы читаете книгу, вы уже способны её понять. Потому что у вас есть собственная жизнь, собственные переживания, собственный опыт. Да, вам по семнадцать лет. Но этого уже достаточно, чтобы почувствовать одиночество Печорина, тревогу Раскольникова или внутреннюю пу-

стоту лермонтовского героя.

Настя тихо сказала:

— То есть сочинение — это не проверка того, сколько статей мы прочитали?

— Конечно нет, — ответила Марина Сергеевна. — Сочинение — это момент, когда человек учится думать самостоятельно. И мне гораздо интереснее читать несовершенную, но вашу мысль, чем безупречно переписанный чужой текст.

За окном медленно темнело. В классе было тихо, но теперь это была уже другая тишина — не тяжёлая и виноватая, а задумчивая.

Утро было холодное, туманное.

Сырая мгла стелилась между покосившимися домами, цеплялась за голые ветки тополей, за провода, за старый школьный забор. Дорога к школе раскисла от снега с дождём — тяжёлая, чёрная. Под ногами чавкала грязь вперемешку с тонким льдом.

Дети шли по одному, кутаясь в тонкие куртки.

У кого-то промокли ботинки.

У кого-то из рукавов торчали красные от холода руки.

Школа в этом посёлке была почти единственным местом, где зимой было светло и тепло.

Дом культуры давно закрыли.

Библиотека работала два раза в неделю.

Автобус в город ходил редко.

После уроков многие просто бродили по улицам или си-

дели дома, слушая, как взрослые ругаются на кухнях.

Некоторые старшеклассники уже курили за гаражами возле котельной.

Иногда Марина Сергеевна замечала их из окна учительской: тонкие фигуры в тумане, сизый дым, спрятанные в рукавах сигареты. Они делали вид, что взрослые. Хотя на самом деле просто не знали, куда деть свою тоску и эту раннюю, деревенскую усталость.

— Да у тебя лучше всех нормально, — усмехнулся Пашка, выпуская дым в белесый ноябрьский воздух. — Ты одна формулы без шпаргалки помнишь.

— Ага... — Лариска поёжилась от сырости. — Только я крови боюсь.

Ребята тихо засмеялись.

Туман вокруг котельной был густой, холодный. С крыши капала талая вода. Где-то вдалеке лаяла собака. От мокрой земли тянуло промозглой стылостью, и сигаретный дым смешивался с паром от дыхания.

— На фельдшера лучше, — сказал Никита, затягиваясь слишком по-взрослому, будто ему было не семнадцать, а все сорок. — Фельдшер хоть в городе может устроиться. Или на скорую.

— Ага, — буркнул Пашка. — И сутками пьяных собирать.

— Ну а куда ещё-то?

Он пожал плечами.

— На завод? Так его скоро закроют. В город ехать — денег

нет.

Повисло молчание.

Они стояли, сунув руки в карманы тонких курток, ещё совсем дети — длинные, нескладные, с прыщавыми обветренными лицами и этой ранней взрослостью в глазах, которая бывает у тех, кто слишком рано понял: жизнь вряд ли приготовила для них что-то лёгкое.

— Я бы вообще уехала отсюда, — тихо сказала Лариска.
— Хоть куда.

Никита посмотрел на окна школы.

Там, за жёлтым светом, сейчас шёл урок литературы.

— Марина Сергеевна говорит, человек должен хоть раз в жизни увидеть море, — неожиданно сказал он.

— И чё? — хмыкнул Пашка.

— Не знаю...

Никита затушил сигарету о мокрый кирпич.

— Просто когда она читает... кажется, будто есть какая-то другая жизнь. Не вот это всё.

Никто не ответил.

— А помните, как Серёга у неё про перрон спросил? — вдруг прыснул Пашка.

Лариска сразу засмеялась, прикрывая рот рукавом.

— Ой, точно...

Даже Никита улыбнулся.

— Она тогда такая читает, — сказал он. — Ну помните, что-то про поезд...

— «На перроне его встретила...» — передразнил Пашка с нарочито серьёзным голосом. — А Серёга руку тянет: «Марина Сергеевна, а перрон — это кто?»

Ребята расхохотались уже громче.

— Не «кто», а «что», — сквозь смех поправила Лариска.

— Да без разницы.

Пашка согнулся от хохота, вспоминая:

— А у неё лицо так медленно вытянулось... Вот так...

Он изобразил растерянное выражение учительницы.

— Она сначала подумала, прикалывается, — сказал Никита. — Даже очки сняла.

— А Серёга сидит честный-честный, — продолжала Лариска. — И говорит: «Ну я правда не знаю».

Снова стало смешно, но уже как-то тише.

Потому что все понимали: Серёга действительно не знал.

Он ни разу не был на вокзале.

Никуда не ездил дальше райцентра.

Поезда для него существовали только в кино да в книгах.

— А помните, что она потом сказала? — неожиданно спросил Никита.

Ребята притихли.

— Она подошла к окну и говорит: «Господи... дети мои... вы даже не представляете, сколько ещё мира существует».

Над котельной повисла сырая тишина.

Где-то хлопнула дверь школы.

Сквозь туман донёсся звонок на урок.

— А потом она пол-урока про вокзалы рассказывала, — усмехнулась Лариска. — Про Москву, про поезда ночью...
— И про чай в стаканах железных, — добавил Пашка.
— И как люди уезжают и встречаются...

Никита поднял глаза на светящиеся окна третьего этажа.

— Я тогда впервые подумал, что тоже когда-нибудь куда-нибудь уеду. Хотя бы поездом. Хоть раз.

Только туман медленно ползал между гаражами, а из школьного окна всё падал тёплый свет — единственное яркое пятно в этом сером, продрогшем посёлке.

А младшие всё равно бежали в школу.

Потому что здесь пахло горячими булочками из столовой.

Потому что здесь в кабинетах горел свет.

Потому что здесь можно было хотя бы ненадолго оказаться в другом мире — где были Пушкин, дуэли, снежные бури, странные герои, любовь, честь, путешествия и слова, которых никогда не услышишь дома.

На третьем этаже в кабинете литературы окна запотели от дыхания.

Батареи еле грели, и дети сидели в кофтах, растирая пальцы. Но всё равно слушали.

Шестой урок. Усталые лица. Скрип половиц.

Обычная сельская школа на окраине посёлка, где дети чаще помогали родителям таскать уголь и кормить скотину, чем читали книги.

Полгода назад она проверяла их первые сочинения.

«Как я провёл майские праздники».

И тогда ей хотелось плакать.

— «Я копал картошку».

— «Мы жарели шашлык».

— «Было весило».

Ошибки в каждом слове. Пустые предложения. Ни одной мысли — только кое-как сложенные строчки. Она ставила двойки и чувствовала себя предательницей. Дети смотрели исподлобья, молчали, прятали глаза.

Особенно один мальчик — Сашка Ермилов.

Высокий, угловатый, вечно в растянутом свитере.

Он тогда написал всего три строки.

«Мы ездили на речку.

Папа был трезвый.

Мне понравилось».

Марина Сергеевна долго смотрела на эти слова. Потом всё-таки вывела красной пастой: «2».

А потом были месяцы.

Пушкин.

Сначала через силу, через зевоту и смешки.

Но однажды, читая «Зимнее утро», тихая Алинка вдруг подняла голову к окну, где мело снегом, и неожиданно прошептала:

— Красиво...

Потом был «Евгений Онегин».

Они спорили, смеялся ли Пушкин над Ленским или жалел

его.

Потом Толстой — и вдруг хулиган Витька после чтения главы из «Войны и мира» впервые остался после урока и спросил:

— А правда... человек может всю жизнь помнить один бой?

А затем — «Мёртвые души».

И Марина Сергеевна с удивлением увидела, как дети начали узнавать людей.

— Манилов — это как мой дядя, — сказал кто-то.

— А Ноздрёв на нашего соседа похож...

Они начали думать.

Слышать.

Замечать.

В кабинете литературы было холодно.

Старые батареи едва теплились, и дети сидели кто в кофтах, кто в куртках. От мокрой обуви тянуло сыростью. На подоконнике дрожали от сквозняка полоски бумаги, что клеят на зиму.

За окнами медленно темнело.

Ноябрьский вечер приходил рано.

Марина Сергеевна стояла у доски с потрёпанным томиком Лермонтова в руках.

— Откройте стихотворение «Выхожу один я на дорогу» Михаила Юрьевича Лермонтова.

В классе лениво зашелестели страницы.

Кто-то ещё не проснулся после физкультуры.

Кто-то рисовал ручкой в тетради.

На последней парте Пашка привычно смотрел в окно.

Марина Сергеевна не торопилась.

Она всегда читала стихи так, будто говорила о чём-то очень личном.

Тихо.

Почти вполголоса.

— «Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый путь блестит...»

И вдруг в кабинете стало как-то иначе.

Даже ветер за окнами будто стих.

— Вы слышите? — спросила она неожиданно.

Класс молчал.

— Нет, правда. Слышите?

Дети переглянулись.

— Туман... тишина... дорога ночью... человек идёт один.

Лермонтов не просто пишет слова. Он создаёт чувство.

Она подошла к окну.

За стеклом действительно стоял туман. Серый, холодный, почти такой же, как в стихотворении.

— Ему двадцать шесть лет, — тихо сказала Марина Сергеевна. — Двадцать шесть. А он уже смертельно устал от жизни.

Кто-то перестал шуршать.

— Посмотрите, какие слова:

«Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть...»

Она обернулась к классу.

— Это говорит молодой человек. Не старик. Не больной.
Молодой, красивый, талантливый человек.

Пашка медленно отвернулся от окна.

— А почему? — вдруг спросила она. — Как вы думаете?
Молчание.

Потом тихо сказала Алинка:

— Потому что ему было одиноко?

Марина Сергеевна кивнула так осторожно, будто боялась спугнуть мысль.

— Да. Иногда человек может быть среди людей — и всё равно чувствовать страшное одиночество.

Она снова начала читать.

И дети вдруг услышали стихотворение не как что-то «из учебника». Не как набор рифм.

А как живого человека.

Грустного. Уставшего. Настоящего.

Когда Марина Сергеевна дошла до строк «Я б желал навеки так заснуть...» — в классе стало так тихо, что слышно было, как капает вода в батарее.

Даже Витька, который обычно смеялся на литературе, сидел неподвижно, подперев подбородок рукой.

— Но смотрите дальше, — сказала учительница неожиданно мягко. — Он ведь просит не смерти.

Она подняла глаза от книги.

— Он просит покоя. Любви. Чтобы над ним «вечно зеленея, тёмный дуб склонялся и шумел».

Марина Сергеевна улыбнулась — грустно и светло одновременно.

— Понимаете? Даже в самой тоске человек всё равно ищет тепло.

У Лариски по спине вдруг пошли мурашки.

Она сама не поняла почему.

Будто эти старые слова неожиданно открыли внутри что-то своё, давно спрятанное.

Будто стало жалко не только Лермонтова — а всех людей вообще.

Всех, кто молчит.

Терпит.

Ждёт тепла.

— Ребята, а как вы думаете, о чём это стихотворение заставляет задуматься человека? — спросила Марина Сергеевна в конце урока.

— О жизни, — ответил Кирилл.

— О том, почему человек бывает одиноким, — сказала Настя.

— И о том, как найти спокойствие, — добавил Дима.

Марина Сергеевна улыбнулась:

— Да, всё верно. Лермонтов заставляет задуматься о жизни человека, о его чувствах, о поиске счастья и душевно-

го покоя. Это стихотворение помогает понять, что человеку важно найти гармонию с самим собой и окружающим миром.

— Ребята, домашнее задание: написать небольшое сочинение на тему «О чём заставляет задуматься человека литература».

— Постарайтесь не просто пересказать текст, а объяснить, какие мысли и чувства вызывает у вас это произведение, — сказала Марина Сергеевна.

И когда прозвенел звонок, никто почему-то не вскочил сразу с мест.

Дети медленно закрывали учебники.

А Пашка, выходя из кабинета, вдруг тихо сказал Никите: — Слушай... а это ведь сильно было.

И Никита только молча кивнул.

И вот теперь — новое сочинение.

Тема была простая:

«О чём заставляет человека задуматься литература».

Марина Сергеевна принесла тетради домой.

За окном шёл мокрый снег. Муж давно спал перед телевизором. Остывший чай да прикрытый полотенцем ужин сиротливо дожидался на столе.

Она открыла первую тетрадь — и вдруг остановилась.

Почерк был аккуратный, чуть наклонённый вправо. Вверху стояло: «Почему Татьяна Ларина — один из самых живых образов русской литературы».

Марина Сергеевна приготовилась к привычным фразам про «идеал русской женщины», но уже после первых строк медленно опустила тетрадь ниже.

«Когда я читал письмо Татьяны, мне стало жалко людей, которые любят и молчат. Наверное, это самое тяжёлое — когда внутри целая жизнь, а сказать о ней страшно. У моей старшей сестры так было. Она долго любила одного человека и делала вид, что ей всё равно. А потом он уехал в другой город и женился. И теперь, когда я читаю сцену объяснения Татьяны с Онегиным, мне кажется, Пушкин очень точно понял, как человек может страдать молча».

Марина Сергеевна перечитала абзац ещё раз. Здесь не было ни одной чужой фразы. Только неловкая, но настоящая мысль.

Она открыла вторую тетрадь.

Там разбирали Печорина. «Мне кажется, Печорин не плохой человек. Просто он всё время смотрит на людей как будто со стороны. Он умный, понимает других, но сам никому не доверяет. Поэтому рядом с ним все становятся несчастными. Иногда такие люди бывают и сейчас. Они шутят, кажутся уверенными, а потом выясняется, что внутри у них пусто и одиноко».

Ниже было написано ещё: «Когда Печорин говорит, что “из жизненной бури вынес только несколько идей”, видно, что он устал жить без настоящего смысла. Мне кажется, он мог бы стать счастливее, если бы хоть раз полюбил кого-то

не из любопытства, а по-настоящему».

Марина Сергеевна медленно сняла очки.

Что-то дрогнуло внутри.

Она открыла третью тетрадь.

Сочинение было по «Мёртвым душам». «Сначала Чичиков показался мне просто смешным человеком. Но потом стало страшно. Потому что он всё время говорит правильно, ведёт себя вежливо, старается понравиться — и при этом внутри у него как будто ничего нет. Мне кажется, Гоголь назвал поэму “Мёртвые души” не только из-за крестьян. Некоторые люди сами постепенно становятся пустыми».

Марина Сергеевна задержалась на последнем абзаце: «Я вспомнил одного человека, который раньше работал с моим папой. Он всё время говорил только про деньги и выгоду. Когда у него заболела жена, он даже в больнице продолжал решать рабочие вопросы. И мне тогда показалось, что человек может потерять что-то важное внутри себя, даже если внешне у него всё хорошо».

Марина Сергеевна медленно закрыла тетрадь.

Она вдруг поняла: дети научились не просто писать.

Они научились чувствовать словами.

Последней лежала тетрадь Сашки Ермилова.

Почерк всё ещё был неровный, строчки съезжали вниз, буквы плясали, будто торопились друг за другом.

Сверху было написано только: «Зачем нужна литература».

«Когда мы читали Пушкина, я сначала думал — зачем это

всё. Люди давно умерли, жизнь была другая, слова непонятные. Но потом я заметил странную вещь. Татьяна переживает почти так же, как люди сейчас. Печорин скучает почти так же, как некоторые взрослые. А в “Шинели” вообще жалко человека, потому что над ним смеются из-за бедности. И я понял, что люди меняются не так сильно, как кажется».

Марина Сергеевна почувствовала, как у неё начинают дрожать пальцы.

Она продолжила читать.

«Люди давно умерли, а мы всё равно их понимаем. Значит, если человек написал правду, он как будто остаётся жить».

Далее было приписано ещё, уже совсем неровно:

«Я раньше не любил читать. Мне казалось скучно. А потом начал иногда читать маме вслух. Она приходит уставшая после смены и почти всегда молчит. Я читал ей “Капитанскую дочку”, и когда дошёл до сцены, где Гринёв не бросает Машу, мама почему-то заплакала. Хотя это просто книга. Наверное, литература нужна потому, что человек иногда не может сказать о себе прямо, но может узнать себя в чужой истории».

Марина Сергеевна долго сидела неподвижно.

За окном медленно падал снег.

А перед ней впервые за много лет лежали не школьные сочинения.

Перед ней лежали чьи-то первые попытки понять жизнь.

От того, что среди старых стен, бедности, мокрых валенок в коридоре и детских ошибок вдруг произошло что-то почти незаметное, но настоящее.

Кто-то научился чувствовать чужую боль.

А значит — стал человеком чуть больше, чем был вчера.

Глава 2. Урок химии

На уроках химии школьница Марина, а ныне учитель Марина Сергеевна не понимала почти ничего.

Ни валентностей.

Ни кислот.

Ни солей.

Ни реакций.

Когда учитель говорил про молекулы и электроны, ей казалось, будто все вокруг понимают какой-то тайный язык, а она одна сидит потерянная.

Она честно пыталась разобраться.

После уроков оставалась в библиотеке, выписывала формулы в тетрадь, читала главы по несколько раз подряд. Иногда даже начинала сначала, думая, что просто пропустила что-то важное.

Но чем больше читала, тем сильнее путалась.

Особенно страшно выглядели химические уравнения. Для неё они были похожи не на науку, а на странные шифры.

Зимой она сидела дома у слабой лампы и очередной раз пыталась выучить тему про кислоты. На столе лежали раскрытый учебник, исписанная тетрадь и несколько листков с формулами.

За окном выл ветер, батарея едва грела.

Марина Сергеевна переписывала:

H_2SO_4 , HNO_3 , NaOH ...

Но через десять минут буквы и цифры начинали сливаться перед глазами.

Она тёрла виски, вздыхала и снова читала определение, будто от этого оно станет понятнее.

Марина Сергеевна помнила тот урок химии так ясно, будто он был вчера.

Тогда она сама сидела за третьей партой у окна — худенькая, тихая девочка с длинной косой и вечно замёрзшими руками. За стеклом кружил февральский снег, а в старом кабинете химии стоял тяжёлый запах мела, железа и влажных тряпок для доски.

Кабинет казался ей страшным местом.

На полках за стеклом стояли банки с мутными жидкостями, какие-то серые порошки в подписанных склянках, модели молекул из палочек и шариков. На стене висела огромная таблица Менделеева, похожая на карту неизвестной страны.

А главное — сама Зинаида Аркадьевна. Учительница химии.

Высокая, сухая женщина с идеально гладким пучком и холодным взглядом поверх очков. Она никогда не улыбалась на уроках. Ходила быстро, резко, будто всё время раздражалась чужой медлительностью.

В тот день она вошла в кабинет ещё до звонка и сразу громко сказала:

— Тетради приготовили. Сегодня новая тема. Оксиды.

Марина Сергеевна уже почувствовала тревогу. Слово было тяжёлым, неприятным. Зинаида Аркадьевна повернулась к доске и начала быстро писать: «Оксиды — бинарные соединения элементов с кислородом»

Мел резко скрипел по доске.

— Записали. Далее. Кислород в оксидах имеет степень окисления минус два. Исключения сейчас не рассматриваем. Это понятно.

Она произнесла это не как объяснение, а как приказ: это понятно. И никто не посмел сказать, что непонятно.

Марина Сергеевна смотрела в тетрадь и чувствовала, как слова распадаются на куски. «Бинарные... степень... окисления...». Учительница уже писала дальше: Na_2O , MgO , SO_3 , Fe_2O_3

— Делим оксиды на основные, кислотные и амфотерные. Металлы образуют основные оксиды, неметаллы — кислотные. Есть исключения, но о них позже. Иванова, к доске. Тихая девочка с первой парты испуганно поднялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.